

что чему предшествовало, что из чего происходит. В этом убеждают попытки проследить по этрусским памятникам «истории» греческих героев и богов.

Резюмируя все вышесказанное, можно следующим образом выразить отношение к поставленной проблеме, рассматривая ее с точки зрения особенностей мироощущения греков и этрусов. Сюжет греческого мифа в рамках нашей проблематики современной западно-европейской этрускологией берется в узком значении, в виде изобразительной схемы, подразумевающей строго логическое развитие действия. Если сюжет понимать таким образом, то следует уже говорить об осознаваемом этрусками совпадении собственной интерпретации мифа с греческим воспроизведением и стоящими за ними религиозно-мифологическими представлениями. Такого совпадения, видимо, никогда не было. Имело место некоторое приближение к греческому пониманию. При этом следует иметь в виду, что тенденция максимально сблизить собственное и греческое понимание мифа реализовалась в творчестве выдающихся этрусских мастеров. В соотношении с общей массой художников реализация такой тенденции в творчестве выдающихся представителей этой массы представляет собой скорее исключение, нежели правило. Правило же гласило: греческие мифы — это прежде всего картины и необходимо отыскать способы использования таких картин (образного понимания бытия) в собственных целях. Столь широкое обращение этрусских ремесленников к греческим образцам поэтому преследовало скорее утилитарные, нежели абстрактно познавательные цели.

В. Н. ПАРФЕНОВ

НАЧАЛО ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ КАРЬЕРЫ ОКТАВИАНА

В исторической литературе давно отмечена необходимость углубленного исследования периода римской истории, начавшегося после мартовских ид 44 г. до н. э.: «Изучение событий, следовавших за смертью Цезаря, одинаково важно и для понимания отживающего республиканского Рима, и для нарождающегося Рима императорского»¹. Гибель Цезаря лишь по-

¹ *Машкин Н. А. Принципат Августа. М.—Л., 1949, с. 113.*

влекла за собой новые ожесточенные схватки за власть, из которых победителем вышел Октавиан. Как политический деятель, он был порожден исторической потребностью момента². Его карьера стала возможной, благодаря политической конъюнктуре того времени, и это не мистическая загадка истории, как было модно считать одно время в западной историографии самого реакционного толка³. Роли Октавиана в социально-политической борьбе после смерти Цезаря посвящена обширная литература⁴. Немало внимания в новейшей историографии уделено и рассмотрению роли армии в то время, поскольку «армия имела решающее значение в течение этого периода, и чем больше мы сможем узнать о ней, тем лучше будет понята история этого века»⁵.

Однако до настоящего времени взаимоотношениям армии и Октавиана, влиянию военных кругов на политику наследника Цезаря не уделялось достаточного внимания⁶. В существующей литературе рассматриваются либо общие проблемы политической борьбы того времени, либо различные аспекты биографии Октавиана (исключения не составляет и соответствующий раздел уже упоминавшейся монографии Н. А. Машкина). Вопрос же о первых шагах Октавиана как

² Энгельс Ф. Письмо В. Боргиусу от 25 января 1894 г. — Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 39, с. 175—176.

³ См.: Berve H. Kaiser Augustus (1934). — In: Berve H. Gestaltende Kräfte der Antike. Aufsätze und Vorträge zur griechischen und römischen Geschichte. München, 1966, S. 403.

⁴ Укажем на некоторые фундаментальные работы: Машкин Н. А. Приципат Августа. М.—Л., 1949; Утченко С. Л. Древний Рим. События. Люди. Идеи. М., 1969; Rice Holmes T. The Architect of the Roman Empire, v. I. Oxf., 1928; Syme R. The Roman Revolution. Oxf., 1939; Hönn K. Augustus und seine Zeit. Wien, 1953; Perowne S. Death of the Roman Republic. From 146 B. C. to the Birth of the Roman Empire. N. Y., 1968; Jones A. H. M. Augustus. L., 1970; Carter J. M. The Battle of Actium. The Rise and Triumph of Augustus Caesar. L., 1970.

⁵ Smith R. E. Service in the Post-Marian Roman Army. Manchester, 1958, p. V.

⁶ Участие солдат в политике в 44—43 гг. до н. э. рассматривает Х. Ботерман (Botermann H. Die Soldaten und die römische Politik in der Zeit von Caesars Tod bis zur Begründung des Zweiten Triumvirats. München, 1968). Целью ее работы является максимально подробная и достоверная реконструкция событий с точки зрения участия в них армии. Эта монография является прежде всего незаменимой сводкой фактического материала. К сожалению, недоступная для нас оказалась новая статья А. Альфельди: Alföldi A. Octavians Aufstieg zur Macht. «Antike und Abendland», Bd. 21, 1975, H. 1, S. 1—11.

«солдатского вождя» в историографии, по крайней мере отечественной, специально не рассматривался.

Какое место занимал Октавиан в династических планах Цезаря? Античные авторы сообщают, что Цезарь, у которого не было своего сына, относился к внучатному племяннику с подчеркнутым вниманием (Nic. Dam. 7 sq.; Vell. II, 59, 3). Едва надев мужскую тогу, Октавий стал понтификом (Cic. Phil. V, 17, 46, Nic. Dam. 4; Vell. II, 59, 3), получил военные награды за войну в Африке, хотя и не участвовал в ней (Nic. Dam. 8 sq.; Suet. Aug. 8). Большое внимание уделялось его образованию, в том числе в области государственного управления (Dio Cass, XLV, 2, 8). По составленному 13 сентября 45 г. до н. э. завещанию Цезарь назначал Октавия своим главным наследником и усыновлял его (Suet. Jul. 83). По Диону Кассию, Октавий должен был стать наследником не только имени и имущества Цезаря, но и его положения в государстве — τῆς τε μοναρχίας (Dio Cass. XLV, 1, 2). Имеются сведения о том, что Цезарь намеревался сделать Октавия своим *magister equitum* (App. B. c. III, 9; Dio Cass. XLIII, 51, 7). Вопрос об этом назначении является немаловажным — его решение позволило бы оценить политическое значение посмертного усыновления Октавия Цезарем⁷. М. И. Ростовцев считал назначение Октавия начальником конницы на 44 г. бесспорным доказательством подготовки Цезарем своего преемника⁸. Напротив, А. Хойсс и В. Эренберг полагали, что Цезарь не имел по отношению к Октавию столь далеко идущих планов, причем Эренберг выразил удивление позицией «такого крупного и реалистичного историка, как Ростовцев»⁹. Наконец, этот вопрос был детально исследован Х. Геше, которая пришла к выводу, что Октавий действительно должен был принять пост начальника конницы после сложения Лепидом своих полномочий, но этого не произошло из-за смерти Цезаря. Молчание об этом некоторых античных авторов она

⁷ Gesche H. Hat Caesar den Octavian zum Magister equitum designiert? — «Historia», Bd. 22, 1973, H. 3, S. 469.

⁸ Ростовцев М. Август (Новый энциклопедический словарь, т. I. Спб., б. г., стб. 153).

⁹ Heuss A. Römische Geschichte. Braunschweig, 1960, S. 216; Ehrenberg V. Caesar's Final Aims. — «Harvard Studies in Classical Philology», v. 68, 1964, p. 157.

¹⁰ Gesche. Op. cit., S. 477.

тает, что усыновление Октавия по завещанию Цезаря было прежде всего политическим, а не частноправовым актом¹¹.

Хотя наши источники в силу их тенденциозности или лаконичности не позволяют прийти в этой связи к безусловному выводу, несомненно, что солдаты и ветераны Цезаря смотрели на Октавиана как на политического наследника убитого диктатора (Nic. Dam. Vita Caes. 29, 117). Именно это обстоятельство сделало возможным возвышение приемного сына Цезаря. Доводом в пользу того, что Октавий, по мысли Цезаря, должен был стать его преемником, служит и внимание, которое уделялось военной подготовке юноши. Кстати, поэтому его хорошо знали солдаты и офицеры, по крайней мере части находившихся на Балканах легионов¹². Впоследствии это обстоятельство сыграло свою роль.

После гибели Цезаря эти офицеры предлагали его наследнику располагать ими и их солдатами для мести убийцам, причем Сальвидиен Руф и Агриппа рекомендовали принять это предложение (Nic. Dam. 16, 41; Vell. II, 59, 5; App. B. c. III, 10). Однако тот, хотя и не без колебаний, отказался (Suet. Aug., 8). Г. Айгнер правильно заметил: это произошло не потому, что Октавиан считал недопустимым использование вооруженной силы, а потому, что из-за недостаточного знания им обстановки в Риме и Италии он в тот момент просто не смог на это решиться¹³. События нарастали с огромной быстротой, каждый день мог радикально изменить ситуацию.

В Италии ветераны Цезаря устроили Октавиану торжественную встречу (App. B. c. III, 12). Это, видимо, было главным, что побудило его немедленно объявить о принятии наследства Цезаря и активно включиться в политическую борьбу, хотя он вновь предпочел не связывать себе сразу рук принятием предложения военных¹⁴. Как показали события, расчет был правильным.

¹¹ Ibid., S. 478.

¹² App. B. c. III, 9; *Gardthausen V. Augustus und seine Zeit*. Tl. I. Bd. 1, Lpz., 1891, S. 68 f.; *Fitzler K. — Seeck O. Iulius (Augustus)*. RE. Hbd. 19. Stuttgart, 1917, Sp. 279; *Marsh F. B. A history of the Roman World from 146 to 30 B. C. L.*, 1935, p. 268; *Botermann. Die Soldaten...*, S. 53.

¹³ *Aigner H. Die Soldaten als Machtfaktor in der ausgehenden römischen Republik*. Innsbruck, 1974, S. 77; cp. *Schiller H. Geschichte der römischen Kaiserzeit*. Bd. 1, Tl. 1. Gotha, 1883, S. 22.

¹⁴ App. B. c. III, 12. Несомненно, потому что, как и раньше, не надеялся на успех борьбы в одиночку против сената и заговорщиков (Hönn K. *Augustus und seine Zeit*, S. 13).

Положение в Риме было довольно благоприятным для дебюта Октавиана в сфере политической интриги: «освободители» оказались в изоляции¹⁵, Антоний уже успел скомпрометировать себя в глазах цезарианцев и вызвать подозрение сената (App. В. с. III, 4, 5). Можно согласиться с мнением Н. А. Машкина, что план действий Октавиана был определен заранее при участии его доверенных лиц (на что указывает Аппиан. В. с. III, 14)¹⁶. Однако Машкин, по нашему мнению, неправоммерно отказывает в инициативе самому Октавиану¹⁷. Ведь наследник Цезаря уже с этого времени отличался столь редкой для его возраста политической зрелостью, дальновидностью и трезвостью ума. «Перед ним все время стоит лишь одна цель — достижение первенствующего положения в Риме, и на выполнение этой жизненной задачи он устремляет все физические и духовные силы»¹⁸. Не следует, конечно, отрицать известную роль окружения Октавиана, главным образом цезарианских офицеров, в выработке программы его действий, но, несомненно, решающее слово принадлежало ему самому.

Первоначальная тактика Октавиана в Риме заключалась в стремлении обеспечить себе массовую опору без конфликта с какой-либо влиятельной группировкой: «Тогда он никому не угрожал и не обнаруживал того, что сокрушается о случившемся и хочет отмщения» (Dio Cass. XLV, 5, 2). Поведение его казалось предельно простодушным: он якобы не понимал всей сложности ситуации и наивно выставлял напоказ свою глубочайшую преданность памяти приемного отца¹⁹. Но, прикрываясь внешней наивностью поведения, Октавиан выполнял глубоко продуманную задачу — завоевание расположения армии. Не пренебрегал он и римским плебсом, который, несмотря на разгром его движения весной 44 г., продолжал оказывать известное (хотя и не решающее) воздействие на ход событий²⁰. Заметным успехом такой политики

¹⁵ Cic. Ad Att. XIV, 10, 1; 11, 1; 12, 1; 14, 2—5; 21, 3; 22, 2; 18, 4; XV, 4, 2; Ad Fam. XI, 2; XII, 1.

¹⁶ Машкин. Указ. соч., с. 159.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Утченко. Древний Рим..., с. 195.

¹⁹ Suet. Aug. 10; App. В. с. III, 13, 28; Dio Cass. XLV, 7, 2; см.: Gesche H. Die Vergottung Caesars. Kallmünz, 1968, S. 79.

²⁰ См.: Цветаева Г. А. Народные волнения в Риме после убийства Юлия Цезаря (март—апрель 44 г. до н. э.). — ВДИ, 1947, № 1, с. 226 слл.

было устроенное ветеранами примирение соперников — Антония и Октавиана²¹. Непрочность этого примирения была очевидна, и уже в это время Октавиан располагал вооруженной охраной (Nic. Dam. 30, 121). Он начинает зондировать почву в колониях, выведенных Цезарем, и вести пропаганду среди солдат Антония (App. B. c. III, 31). Но, как вполне обоснованно заметил Шиллер, настроение ветеранов, видимо, не обнадежило наследника Цезаря²². Дело в том, что раскол в рядах цезаряницев весьма не импонировал солдатам и офицерам по причинам как морального, так и материального порядка, поскольку они не желали терять уже приобретенное, ввязываясь в новые авантюры²³. Аппиан сообщает, что руководители личной охраны Антония устроили новое примирение его с Октавианом²⁴. Но, даже если это примирение и имело место, оно скоро перешло в открытую вражду. Соперники стремились дискредитировать один другого, добиться поддержки общественного мнения, и прежде всего военных кругов, на которые оба возлагали главную надежду в деле достижения единоличной власти²⁵. Положение обострилось настолько, что Октавиан, отправившись из Рима в Кампанию (уже в сопровождении личной охраны — Nic. Dam. 30, 132, 133), призвал на службу ветеранов VII и VIII легионов Цезаря²⁶. К нему шли охотно по причине, которую тогда же отметил Цицерон: Октавиан сразу выдавал каждому своему солдату 500 денариев²⁷. Однако число вновь призванных солдат VII и VIII легионов не могло быть большим (Цицерон говорит о трех тысячах), поскольку ветераны этих легионов были

²¹ Nic. Dam. 29; App. B. c. III, 29, 30; Dio Cass. XLV, 8; Plut. Ant. 16.

²² Schiller. Op. cit., S. 29.

²³ Syme R. The Roman Revolution, p. 118.

²⁴ App. B. c. III, 39. Н. А. Машкин (Указ. соч., с. 144, прим. 36) полагал, что сообщение Аппиана о втором примирении является ошибочным. Напротив, Г. Айгнер считает, что это событие действительно произошло (Aigner. Op. cit., S. 79 f.).

²⁵ Scott K. The Political Propaganda of 44—30 B. C. — «Memoirs of the American Academy in Rome», v. XI, 1933, p. 10; Bellincioni M. Cicerone politico nell' ultimo anno di vita. Brescia, 1974, p. 227.

²⁶ Nic. Dam. 30, 132; Cic. Ad Att. XVI, 8, 1—2; App. B. c. III, 40. Как предполагал еще Гардтхаузен (Op. cit., S. 69), к числу откликнувшихся на этот призыв принадлежал Гай Канулей, evocatus VII легиона (см. ILS, I, 2225).

²⁷ App. B. c. III, 40. Cic. Ad Att. XVI, 8, 1: «veteranos... perduxit ad suam sententiam. Nec mirum: quingenos denarios dat». Скулиться не приходилось — солдаты предпочитали того, кто больше платит (Plut. Brut. 23). Поэтому Октавиан «veteranos... quanta potuit largitione, contraxit» (Suet. Aug. 10).

расселены также в Этрурии²⁸. Поэтому Октавиан набрал ветеранов других легионов и, вероятно, практиковал вербовку новобранцев (Nis. Dam. 31, 138). В Капуе было произведено оформление его частной армии (Cic. Ad Att. XVI, 9; Vell. II, 61, 2). Однако долго оставаться в Кампании было опасно: Антоний с одним легионом двинулся к Риму²⁹. Тогда Октавиан по рекомендации Цицерона (Cic. Ad Att. XVI, 8, 2) тоже направился во главе войска в Рим. Как и предсказал в этом письме Цицерон, плебс был на стороне молодого авантюриста, так как расправа Антония и Долабеллы с движением Лже-Марня, оттолкнув народ от них, привлекла его симпатии к Октавиану³⁰. Последний выступил в Риме на сходке, созванной трибуном Каннуцием, с речью, выдержанной в духе лозунга *pietas Caesaris* (Cic. Ad Att. XVI, 15, 3; App. B. c. III, 41). Вместе с тем, эта речь была фактическим объявлением войны Антонию. Поэтому армия Октавиана стала быстро таять — ветераны не хотели сражаться против полководца Цезаря (App. B. c. III, 42)³¹. Не последнюю роль при этом играло и то обстоятельство, что Антоний был консулом, а Октавиан — частным лицом³². Ему угрожала опасность остаться совершенно беззащитным перед Антонием, на стороне которого были и сила, и право, или, точнее сказать, право силы. Поэтому Октавиан пытается добиться легализации своего положения сенатом, опираясь на поддержку Цицерона. Но тот, колеблясь и не доверяя намерениям своего протеже, так и не прибыл в Рим (Cic. Ad Att. XVI, 8, 2; 9; 10, 2; 13c, 1; 15, 3). Заседание сената не состоялось — республикански настроенная часть его пока игнорировала Октавиана³³. Тогда он нашел иной выход из создавшегося положения — двинулся с остатком своей

²⁸ *Brunt P. A. Italian Manpower 225 B. C. — A. D. 14. Oxf., 1971* p. 322 sq. Находившиеся в Нарбонской Галлии колонии ветеранов VII и VIII легионов возникли позже, между 36 и 27 гг. до н. э. (*Kromayer J. Die Militärkolonien Octavians und Caesars in Gallia Narbonensis. — «Hermes», Bd. 31. 1896. S. 18*).

²⁹ Cic. Ad Att. XVI, 8, 2. Это был *legio V Alaudae*. О его происхождении см. нашу статью «Профессионализация римской армии и галльские войны Цезаря» в сб. «Античный мир и археология», вып. 2. Саратов, 1974, с. 88.

³⁰ *Sordi M. Ottaviano e l'Etruria nel 44a. C. — «Studi Etruschi», 1972, vol. 40, ser. 2, p. 11.*

³¹ К тому же именно Антоний выводил их в колонии (Cic. Phil. V, 2, 3).

³² *Carter. Op. cit., p. 50.*

³³ *Perowie S. Death of the Roman Republic, p. 242.*

армии в Этрурию и начал вербовку солдат там и в области Равенны, установив штаб-квартиру в Арреции (App. В. с. III, 42). Выбор этот не был случайным. Арреций был родиной Мцената, одного из ближайших сподвижников Октавиана, и семья Мцената пользовалась там большим влиянием. Кроме того, этот город был хорошо укреплен и являлся одним из центров изготовления оружия, что имело для Октавиана первостепенное значение³⁴. Современные исследователи указывают, что Октавиан избрал Этрурию плацдармом для развертывания своих вооруженных сил прежде всего по политическим соображениям; в этой области имелась масса разоренного крестьянства — резерва военной силы. В силу особенностей своего социально-экономического развития Этрурия, зона Равенны и близлежащие территории со времен Мария являлись традиционной опорой популяров³⁵. Поэтому наследник Цезаря не обманулся в своих ожиданиях. По мнению М. Сорди, он на вербовал минимум 6 тыс. человек, которые составили новый легион и пополнили VII и VIII легионы³⁶. А из своих политических приверженцев он, как обоснованно считает Сорди, именно между Аррецием и Равенной набрал свою первую преторскую когорту — ту самую, которая в апреле 43 г. до н. э. погибла в битве при *Forum Gallorum* (см. Cic. *Ad fam.* X, 30, 5; App. В. с. III, 69—70)³⁷.

Одновременно с воинскими наборами Октавиана его эмиссары действовали в армии Антония. Организация этой «подрывной работы» не лишена интереса.

О настроении солдат и ветеранов специальные осведомители сообщали Октавиану, когда он был еще в Риме и не приступал к созданию собственного войска (App. В. с. III, 42). А когда произошел его разрыв с Антонием, работа по разложению армии соперника активизировалась. Агенты Октавиана должны были не выделяться в общей массе солдат и, разумеется, превосходно знать ее психологию. Поэтому Октавиан отобрал их из числа присоединившихся к нему ветеранов, наиболее смелых и предприимчивых (*Nic. Dam.* 31, 139). Они были снабжены деньгами для подкупа (*Dio Cass.* XLV, 12, 1) и подробно проинструктированы: агитацию за Октавиана следовало вести, спекулируя на его родстве с Цеза-

³⁴ *Sordi.* *Op. cit.*, p. 5.

³⁵ *Carter.* *Op. cit.*, p. 50; *Sordi.* *Op. cit.*, p. 9 sqq.

³⁶ *Sordi.* *Op. cit.*, p. 16.

³⁷ *Ibid.*, p. 14 sqq.

рем. Если бы открытая пропаганда оказалась невозможной, тогда им надлежало изготовить и распространять прокламации (Nis. Dat. 31, 139). Этот способ на практике оказался наиболее действенным (App. B. c. III, 44). Особое внимание, очевидно, уделялось тем легионам, которые знали Октавиана по Македонии³⁸. В октябре 44 г. он уже твердо рассчитывал на их поддержку (Cic. Ad Att. XVI, 8, 2). О том, насколько сочувственным было отношение легионеров Антония к этой пропаганде, говорит в первую очередь тот факт, что несмотря на угрозы, агенты соперника так и не были выданы. В ноябре 44 г. Марсов и IV легионы из войска Антония перешли на сторону Октавиана³⁹. Вопрос об основной причине этого перехода остается спорным. Шиллер считал таковой казнь Антонием мятежных солдат и центурионов в Брундизии⁴⁰. Ботерман полагает, что Цицерон преувеличил масштаб экзекуции⁴¹ и что последней было недостаточно, чтобы толкнуть солдат на путь измены. Она отвергает также соображение, что солдаты были недовольны компромиссом Антония с сенатом, поскольку в то время отказ Антония от такой политики был уже свершившимся фактом, а Октавиан, напротив, объявил о своем намерении пойти на союз с сенатом⁴². Ее вывод — «решающим фактором, определившим настроение солдат, были деньги Октавиана...»⁴³. Х. Ботерман не исключает действия при этом и других факторов: надежды солдат на неспособность Октавиана сопротивляться их финансовым и политическим притязаниям, недовольства строгостью Антония.

Вообще в период гражданских войн дисциплина солдат в основном зависела от личности полководца⁴⁴, Антоний старался сохранить в армии суровые староримские традиции.

³⁸ «Октавиан после отъезда из Македонии, по-видимому, сохранил связи с македонскими легионами, и солдаты явились в Брундизий распропагандированными» (Машкин. Указ. соч., с 148). Источники не дают оснований для столь категоричного утверждения, но доля истины в нем, несомненно, имеется.

³⁹ Cic. Phil. III, 6, 7; IV, 5, 6; Vell. II, 61, 2; Liv. ep. 117; App. B. c. III, 45; Dio Cass. XLV, 13, 3.

⁴⁰ Schiller. Op. cit., S. 32.

⁴¹ См.: Cic. Phil. III, 4, 10: «Brundisi ad trecentos fortissimos viros civisque optimos trucidavit».

⁴² Botermann. Op. cit., S. 50 ff.

⁴³ Ibid., S. 51; ср. Tac. Ann. I, 10 — «corruptas consulis legiones».

⁴⁴ Neumann A. Disciplina militaris. RE, Spplbd. X. Stuttgart, 1965, Sp. 158.

тогда как у Октавиана можно было надеяться на известное послабление, хотя бы по причине его молодости. Антоний был известен — Октавиана еще предстояло узнать. К тому же Октавиана окружал ореол славы его приемного отца — выдающегося демагога и победоносного полководца.

Следовательно, можно согласиться с тем, что главной причиной отпадения двух легионов от Антония была агитация эмиссаров Октавиана, подкрепленная денежными раздачами. Непосредственным же поводом к уходу Марсова и IV легионов от Антония, очевидно, послужила его расправа с непокорными центурионами и солдатами в Брундизии. Пусть Антоний как полководец и консул имел право так поступить, пусть казнено было меньше людей, чем сообщает Цицерон, но легионеры после гибели Цезаря отвыкли от такого обращения. Озлобление солдат должно было быть тем большим, что их товарищей казнили на глазах не только Антония, но и его жены Фульвии⁴⁵. Разумеется, в этой ситуации легионы должны были последовать призыву Октавиана. Его сила в тот момент заключалась в ловком использовании настроений армии, тогда как Антоний безуспешно пытался бороться с ее корпоративным духом. Он довольно быстро понял свою ошибку и поспешил ее исправить, выдав по 500 денариев каждому из оставшихся у него солдат⁴⁶.

Теперь в руках Октавиана сосредоточилась солидная сила — пять легионов (App. В. с. III, 47): VII, VIII, IV, Марсов и легион новобранцев. Казалось, обладая такой армией, можно было вести независимую политику. Однако положение наследника Цезаря во главе войска не было узаконено, и он мог быть признан мятежником со всеми вытекающими из этого последствиями⁴⁷. Выходом из столь затруднительного положения стал союз Октавиана с сенатом. Почему оказался возможным этот «дьявольский альянс между убийцами Цезаря и его приемным сыном»?⁴⁸. Причины общеизвестны. Сенат пошел на это потому, что ему нужны были войска для борьбы против Антония, а их услужливо предлагал молодой

⁴⁵ Cic. Phil. V, 8, 12; XIII, 8, 18; Dio Cass. XLV, 13, 1—2.

⁴⁶ Можно согласиться с X. Ботерман, что именно благодаря этой мере ему удалось сохранить остальные легионы (Botermann. Op. cit., S. 54).

⁴⁷ Schmitthenner W. Politik und Armee in der späten römischen Republik. — «Historische Zeitschrift». Bd. 190, 1960, S. 6. Опасность была вполне реальной — этого уже пытался добиться Антоний, получив известие о переходе своих легионов к Октавиану (Cic. Phil. V, 9, 24).

⁴⁸ Stoakton D. Cicero. A political Biography. Oxí., 1971, p. 295.

Цезарь (Cic. Phil. V, 16, 42; App. В. с. III, 41, 47). Наиболее дальновидные понимали, что Октавиан, несмотря на все его клятвы в преданности государству, будет в случае усиления угрозой для республиканцев⁴⁹, но выхода не было — собственных войск сенат не имел, и частная⁵⁰ армия Октавиана была в тот момент единственной силой, способной активно противодействовать Антонию⁵¹. Необходим был этот союз и Октавиану. Во-первых, его дальнейшая политическая деятельность требовала легализации в силу традиций *liberae res publica*, все еще игравших важную роль. Пренебрегать ими было невозможно⁵². Во-вторых, его легионы должны были остро ощущать нелегальность своего собственного положения, а их позднейшее обеспечение было под вопросом, пока Октавиан оставался частным лицом. Это особенно касалось перешедших от Антония легионов, так как за ветеранами в любом случае оставались их прежние надель⁵³. Выражением этого беспокойства солдат было предложение Октавиану принять магистратуру от них (App. В. с. III, 48)⁵⁴. Октавиан отказался, потому что ему не стоило компрометировать себя перед сенатом, когда уже готовилась легализация его положения (App. В. с. III, 47)⁵⁵.

В самом начале января 43 г. до н. э. сенат по предложению Цицерона предоставил Октавиану полномочия пропретора.

⁴⁹ Cic. Ad Att. XVI. 14, 1. «И все же казалось невероятным, чтобы юноша, почти мальчик, сумел ниспровергнуть власть сената» (*Gardthausen*, Op. cit., S. 68).

⁵⁰ И. Хан (*Hahn I. Die Legionsorganisation des Zweiten Triumvirats*. — «Acta Antiqua Academiae Scientiarum Hungaricae», t. 17, fasc. 1—2, 1969, S. 204) предлагает считать армию Октавиана «квазичастной», поскольку призыв ветеранов (*evocatio veteranorum*) довольно часто применялся в Риме со времени Суллы, и поэтому первый воинский набор, проведенный Октавианом, нельзя назвать полностью нелегальным. Аргументация Хана представляется неубедительной. Армия, созданная «*privato consilio et privata impensa*» (RgdA. I), может быть только частной, тем более, что ее руководитель был частным лицом.

⁵¹ Cic. Phil. V, 16, 42; XI, 8, 20; *Ростовцев М. И.* Рождение Римской империи. Пг., 1918, с. 83; *Утченко С. Л.* Цицерон и его время. М., 1972, с. 339; *Domaszewski A.* Die Heere der Bürgerkriege in den Jahren 49 bis 42 v. Chr. — «Neue Heidelberger Jahrbücher», Bd. IV, 1894, S. 180; *Botermann*. Op. cit., S. 56.

⁵² *Meuer Ed.* Kaiser Augustus. — In: *Meyer E.* Kleine Schriften. Halle, 1910, S. 451.

⁵³ *Botermann*. Op. cit., S. 59.

⁵⁴ Шмиттеннер считает, что это предложение солдат могло быть спрогнозировано Октавианом для давления на сенат (*Schmittenner*. Op. cit., S. 6).

⁵⁵ *Botermann*. Op. cit., S. 59.

Ему и его легионам были даны особые привилегии⁵⁶. Скорее всего, именно тогда портрет Октавиана впервые появляется на монете (без обозначения имени)⁵⁷. В том, что этот портрет изображает Октавиана, уверен А. Альфельди⁵⁸. Соблазнительно связать выпуск этого денария с декретированием Октавиану конной статуи и другими почестями, из которых, по словам Цицерона, тогда никакая не казалась чрезмерной (Cic. Ad Brut. I, 15, 7).

Легализация положения Октавиана не могла устранить всех противоречий ситуации, в которой он находился. С одной стороны, он получил законную военную власть⁵⁹, и не без оснований седьмому января 43 г. («dies asepti imperii» — ILS I, 108). впоследствии придавалось большое значение. К. Хёни даже считал это число днем рождения монархической власти⁶⁰. С другой стороны, Октавиан должен был подчиниться консулам Гирцию и Пансе, тем самым его власть над собственной армией была сведена к минимуму (App. B. c. III, 64). Последствия не заставили себя ждать — он был вынужден передать Гирцию наиболее боеспособные воинские части⁶¹. Большинство оставшихся составляли ветераны, в среде которых были особенно сильны цезарянинские настроения. Поэтому Октавиану пришлось решать «трудную задачу, заигрывая с сенатом и позируя в качестве преданного «сына» Цезаря перед его солдатами»⁶². Ботерман, основываясь на глухих намеках Цицерона (Cic. Phil. XI, 14, 37; XII, 12, 28), считает, что ветераны Октавиана, находясь в зимнем лагере, отказались воевать против Антония⁶³. Если это событие и имело место, то Октавиану все же удалось уговорить их при-

⁵⁶ Cic. Phil. V, 46, 53; App. B. c. III, 51, 88; Dio Cass. XLVI, 29; Vell. II, 61, 3.

⁵⁷ Sydenham E. A. The coinage of the Roman Republic. L., 1952, p. 180, № 1084.

⁵⁸ Alföldi A. Porträtkunst und Politik in 43 v. Chr. «Nederlands kunst-historisch Jaarboek», 1954, № 5, S. 159 f.

⁵⁹ Судя по тону Цицерона (Cic. Phil. XI, 8, 20), не без противодействия определенной части сената.

⁶⁰ Hönn. Op. cit., S. 29.

⁶¹ App. B. c. III, 65, 75. Во время боев под Мутиной у Октавиана осталось всего несколько когорт, остальные войска отобрал Гирций, который даже преторскую когорту Октавиана послал навстречу Пансе (Cic. Ad fam. X, 30, 1; Phil. XIV, 10, 27—28; App. B. c. III, 66—70; Dio Cass. XLVI, 37, 7).

⁶² Lindsay J. Marc Antony. His World and his Contemporaries. L., 1936, p. 206.

⁶³ Botermann. Op. cit., S. 79.

нять участие в начавшихся весной боевых действиях. Но он не мог не учитывать их настроения, да и сам понимал, что полное уничтожение Антония было бы на руку врагам — цезарианцев⁶⁴. Правда, ход дел под Мутиной едва ли зависел от воли Октавиана — при перечислении сенатских полководцев он называется последним (Cic. Phil. X, 7, 15), и это, очевидно, отражает его действительное положение. В этой войне даже консулы не могли управлять ходом событий — решающий голос принадлежал солдатам (Cic. Ad fam. X, 30, 2; App. В. с. III, 68). Поэтому Октавиан, создавая себе авторитет, сражался в их рядах (Suet. Aug. 10, App. В. с. III, 71). Его двусмысленное положение в армии радикально изменилось после гибели обоих консулов. Их смерть была настолько кстати для Октавиана, что возник слух о его причастности к этому делу⁶⁵.

После разгрома Антония первоочередной задачей для Октавиана было удержание в своих руках армии. Об этом, по свидетельству Плутарха, он сам писал в мемуарах (Plut. Cic. 45). После сражений под Мутиной Октавиан сосредоточил в своих руках командование и консульскими армиями, но сенат распорядился передать их Дециму Бруту (App. В. с. III, 74). Однако те легионы, которые в свое время были отобраны у Октавиана, ему вернул, если верить Аппиану, Панса перед смертью (App. В. с. III, 76). IV и Марсов легионы отказались перейти под командование Брута, и ему достались только новобранцы Пансы⁶⁶, да и то один легион из них Октавиан оставил себе⁶⁷. Таким путем он составил себе отборное войско.

Несколько месяцев — с мая по август 43 г. — Октавиан со своими легионами оставался на месте. Бездействие его было мнимым — он напряженно работал, стремясь обеспечить себя при любом повороте событий. Его положение в армии охарактеризовал Децим Брут: «Neque Caesaris imperari potest nec Caesar exercitui suo...» (Cic. Ad fam. XI, 10, 4). Р. Ю. Виппер считал, что в наступившее после Мутинской войны время

⁶⁴ Ростовцев. Август, стб. 154; Marsh. Op. cit., p. 271.

⁶⁵ Suet. Aug. 11; Tac. Ann. I, 10. Но этот слух, видимо, следует отнести к разряду светских сплетен (ср. Cic. Ad Brut. I, 3, 4; 6, 2; Ad fam. XI, 9, 1; 10, 2; 13a, 1—2).

⁶⁶ Cic. Ad fam. XI, 19, 1; App. В. с. III, 76. Ср. Dio Cass. XLVI, 40, 1.

⁶⁷ Именно так Брант (Brunt. Op. cit., p. 482) предлагает интерпретировать жалобу Децима Брута Цицерону — «de exercitu, quem Pansa habuit, legionem mihi Caesar non remittit» (Cic. Ad fam. XI, 20, 4).

Октавиан должен был подчиняться диктату легионов⁶⁸. В действительности это было не совсем так. Конечно, он не мог идти против воли легионов — это было бы политическим самоубийством, поскольку тогда армия вышла бы из повиновения⁶⁹. Но Октавиан и не собирался следовать за сенатом, поэтому настроение солдат как раз соответствовало его замыслу⁷⁰. Разрыву наследника Цезаря с сенатом способствовала крайне недальновидная, твердолобая политика последнего. Там в это время перевес получила, как выразилась Х. Ботерман, «радикально-оптиматская клика» (*radikaloptimatische Senatsclique*). Цицерон, стоявший за сохранение хороших отношений с Октавианом, уже не имел прежнего влияния⁷¹. Сенат, стремясь ускорить развязку, предпринял ряд шагов, намеренно рассчитанных на оскорбление Цезаря-младшего.

Ботерман предполагает, что Октавиан послал сенату письмо, в котором писал, что не может преследовать Антония и передать легионы Бруту, так как они отказываются повиноваться приказу. Кроме того, он требовал, чтобы солдаты, согласно обещанию сената, получили деньги и землю⁷². Вместе с тем, он предпочитал не обнаруживать до поры своих собственных намерений. На свидании с Брутом Октавиан, возможно, договорился о совместных действиях. Так, они требовали поручить им обоим наделение солдат землей⁷³. Вполне вероятно, что Октавиан не оставил без внимания легионы Децима Брута, исподволь разлагая их. Здесь агитация должна была вестись за единство всех цезарианцев. Предположение об агитации агентов Октавиана в лагере Децима позволяет объяснить, почему легионы Брута, проявившие неожиданную стойкость во время Мутинской войны, изменили впоследствии, причем к Октавиану перешли новобранцы,

⁶⁸ *Brunner P. Ю.* Очерки истории Римской империи. Берлин, 1923, с. 318 сл.

⁶⁹ *Rostovcev.* Указ. соч., стб. 154; *Botermann.* Op. cit., S. 137.

⁷⁰ *Aigner.* Op. cit., S. 85.

⁷¹ *Cic. Ad Brut.* I, 16, 7; 17, 4; *Ad fam.* XI, 14, 1; *Phil.* XIV, 10, 28, 14, 37; *Vell.* II, 62, 1. Аппиан (*В. с. III, 74*) явно следует враждебному Цицерону источнику.

⁷² *Botermann.* Op. cit., S. 139, Апп. 2. Письмо реконструируется на основе ответных распоряжений сената.

⁷³ *Cic. Ad fam.* XI, 13a, 1; 20, 3; 21, 5. Сообщение Аппиана о враждебных взаимоотношениях Октавиана и Брута сразу после снятия осады с Мутины (*Апп. В. с. III, 73*) базируется, вероятно, на данных позднейшей официальной пропаганды.

а к Антонию — опытные четыре легиона (App. В. с. III, 97, ср. III, 49). Солдаты же самого Октавиана дали клятву не воевать больше против цезарианцев (Dio Cass. XLVI, 42, 3—4)⁷⁴.

В начале мая, сразу после получения первых известий о настроении сената, Октавиан, все еще прикидываясь послушным слугой его, начинает агитировать за свой консулат⁷⁵. В то же время он стремится к установлению контактов с Антонием и другими лидерами цезарианцев (Dio Cass. XLVI, 41, 5; App. В. с. III, 80—81). В Рим отправляется депутация центурионов с требованием обещанного вознаграждения (App. В. с. III, 86). Сенат направляет послов к IV и Марсову легионам с обещанием выплаты им половины вознаграждения при условии, что эти легионы перейдут к Дециму Бруту⁷⁶. Таким образом, каждый солдат наиболее боеспособной части армии Октавиана должен был получить 2,5 тыс. денариев от имени государства (App. В. с. III, 86; Dio Cass. XLVI, 40, 6). Остальным легионам не причиталось ни гроша — *οὐδὲ χαλκόν* (Dio Cass. XLVI, 40, 6). Античные историки считали, что этим сенат стремился расколоть войско ставшего опасным союзника. По мнению Ботерман, подобное коварство сенату было приписано напрасно: формально он был прав, так как обещал награду только этим легионам. Уменьшение награды, по ее словам, объяснялось финансовыми затруднениями сената и тем, что легионы свою задачу выполнили не до конца — Антоний не был уничтожен⁷⁷.

Посольство сената, прибыв в лагерь, попыталось вступить в переговоры с этими легионами, игнорируя Октавиана. Такое поведение было вдвойне неумным: во-первых, оно не учитывало тесную связь солдат с Октавианом и недоверие их к сенату, во-вторых, размер награды не мог удовлетворить легионеров⁷⁸. Октавиан не стал мешать посланцам сената — «*eam iniuriam dissimulando Caesar ferret*» (Vell. II, 62, 5).

⁷⁴ Айгнер (*Aigner. Op. cit., S. 222. Anm. 318*) подчеркивает сообщение Диона Кассия, что вдохновителем этой клятвы был Октавиан. Но нельзя забывать — в этом акте прежде всего выразилось настроение самой армии.

⁷⁵ Cic. *Ad Brut.* I, 4a, 2; *Botermann. Op. cit., S. 135.*

⁷⁶ App. В. с. III, 86. Цицерон (и не он один) скептически относился к возможности такого перехода (Cic. *Ad fam.* XI, 14, 2).

⁷⁷ *Botermann. Op. cit., S. 146 f.* Но солдаты, конечно, думали, что сумма уменьшена по чисто политическим причинам (*Carter. Op. cit., p. 81*).

⁷⁸ *Botermann. Op. cit., S. 145 f.*

Его расчет, основанный на глубоком знании солдатской психологии, блестяще оправдался — легионы отказались разговаривать с сенаторами в отсутствие своего командующего⁷⁹. Попытка вырвать армию из-под влияния Октавиана была по замыслу неглупой, но неуклюжее исполнение уничтожило даже те мизерные шансы на успех, что были у сената. Выполнение обещаний легионам было затянато, тем самым сенат вызвал раздражение солдат⁸⁰, которое усугубилось поведением посольства. Таким образом, эта акция сената привела к противоположному результату — солдаты окончательно перестали верить сенату, а их связь с Октавианом укрепилась⁸¹.

Деятельность молодого Цезаря в это время не ограничивалась сферой политической интриги. Он пополнял свои легионы добровольцами из разбитой армии Антония (App. B. c. III. 80; Dio Cass. XLVI, 41, 5) и, видимо, провел новые воинские наборы, сформировав еще два легиона⁸². Перед переходом к решительным действиям Октавиан предпринял последнюю попытку добиться своей цели мирным путем — делегация из четырехсот военных отправилась в Рим требовать от сената выплаты вознаграждения всем легионам Октавиана, для него самого — консулата, для Антония и его сторонников — отмены объявления их вне закона⁸³. Сенат отказался удовлетворить эти требования, и посольство покинуло столицу (Dio Cass. XLVI, 43, 3—6).

Вызывающее поведение сената объяснялось тем, что формально в его распоряжении находилось 18 легионов против 13 легионов Антония и Лепида⁸⁴. Но у сената отсутствовал план борьбы и не было авторитетного военного руководителя⁸⁵, войска были ненадежны.

⁷⁹ Vell. II, 62, 5; App. B. c. III, 86; Dio Cass. XLVI, 41, 1.

⁸⁰ Hinrichs F. T. Das legale Landversprechen in Bellum Civile. — «Historia», Bd. 18, 1969, H. 5, S. 583.

⁸¹ Schiller. Op. cit., S. 55; Botermann. Op. cit., S. 147; Aiguer. Op. cit., S. 86.

⁸² Brunt. Op. cit., p. 482.

⁸³ App. B. c. III, 88; Dio Cass. XLVI, 42, 4. 43, 1—2; Suet. Aug. 26.

⁸⁴ По мнению С. И. Ковалева, Антоний и Лепид объединились в результате переговоров, затеянных Октавианом через третьих лиц (Ковалев С. И. История Рима. Л., 1948, с. 473). Эта точка зрения источниками не подтверждается (ср. App. B. c. III, 83—84).

⁸⁵ Bengtson H. Die letzten Monate der römischen Senats Herrschaft. — Aufstieg und Niedergang der römischen Welt. Tl. I, Bd. 1. B. — N. Y., 1972, S. 972.

Сообщение о неудаче посольства вызвало реакцию, которую, конечно, ждал Октавиан — солдаты потребовали, чтобы он вел их на Рим. Октавиан подчинился, «будучи, — по ироническому замечанию Диона Кассия, — разумеется, принужден солдатами» (Dio Cass. XLVI, 43, 6). В поход двинулась вся армия — восемь легионов со вспомогательными частями. Надо сказать, что Октавиан старался застраховать себя от неприятных неожиданностей — он не допустил контакта солдат с посланцами сената, которое везли войскам деньги (App. В. с. III, 88). При известии о походе Октавиана на Рим сенат сначала согласился удовлетворить все его требования (App. В. с. III, 90; Dio Cass. XLVI, 44, 2), но затем, по прибытии двух легионов из Африки, которые были вызваны еще весной (Cic. Ad fam. XI, 14, 2), принял решение обороняться (App. В. с. III, 91). Но все три легиона, защищавшие Рим (третий был оставлен еще Пансой), без боя перешли на сторону Октавиана (App. В. с. III, 92; Dio Cass. XLVI, 45, 2). Тот вступил в Рим, в первую очередь захватил государственную казну и удалился за черту города, чтобы не мешать «свободе» консульских выборов (App. В. с. III, 94; Dio Cass. XLVI, 46, 5, 48, 1—2). 19 августа 43 г. до н. э. Октавиан, разумеется, был избран консулом вместе со своим родственником Квинтом Педием⁸⁶. Победу на выборах им обеспечили голоса солдат и по-прежнему симпатизировавшего Октавиану плебса⁸⁷. Соперников у этих соискателей, надо полагать, не было в силу известных обстоятельств.

П. Грималь считает, что государственный переворот, произведенный Октавианом, радикально изменил ситуацию в его пользу⁸⁸. Но захват консульской власти не мог автоматически решить все проблемы, стоявшие перед молодым «солдатским вождем». Напротив, он на время оказался как бы в политическом вакууме, поскольку старых союзников лишился, а новых еще не приобрел⁸⁹. Что же он предпринял, находясь в этой своеобразной ситуации?

⁸⁶ ILS. 1, 108; RdgA. 1; Liv. per. 119; Vell. II, 62, 5; Suet. Aug. 26, 31; Tac. Ann. I, 9—10; Dial. 17; App. В. с. III, 94; Plut. Brut. 27; Dio Cass. XLVI, 45, 3, 46, 1; LV, 6, 7; LVI, 30, 5. К. Хёни обращает внимание на то, что в «Res gestae...» подчеркнут легальный характер этих выборов (Hönn. Op. cit., S. 37).

⁸⁷ Grimal P. Le siècle d'Auguste. P., 1965, p. 20.

⁸⁸ Ibidem.

⁸⁹ Gardthausen. Op. cit., S. 127.

Основной целью его мероприятий было обеспечение верности легионов. Теперь он оказался в состоянии выполнить свои обещания. Каждый солдат получил 2500 денариев, еще столько же Октавиан обещал доплатить позже (App. В. с. III, 94; Dio Cass. XLVI, 46, 5 sqq.). Был выплачен также остаток завещанного Цезарем народу (Dio Cass. XLVI, 48, 1—2). Октавиан позаботился о выплате денег в кратчайший срок — частное повторное использование старых штемпелей указывает на форсированный темп выпуска монеты⁹⁰.

В то время «его престиж в войске покоился всецело на его роли мстителя за смерть Цезаря»⁹¹. Став консулом, Октавиан получил возможность открыто выступить в этой роли. Были декретированы репрессии по отношению к убийцам Цезаря⁹². Пропаганда Октавиана подчеркивает его *pietas Caesaris*⁹³. Наследник Цезаря не упускал случая польстить солдатам — особым выпуском золотой монеты⁹⁴ был ознаменован, как доказал А. Альфёльди, переход трех легионов на сторону Октавиана⁹⁵. На отчеканенных в это время денариях монетного магистрата Гракха изображены *vexillum*, орел легиона, плуг и, видимо, *hasta puga*⁹⁶. Обычно монета этого типа символизирует вывод ветеранов в колонии. Но сама возможность массовой отставки ветеранов осенью 43 г. сомнительна — это существенно ослабило бы армию Октавиана. Скорее, эти монеты были выпущены «просто» в честь ветеранов VII и VIII легионов, подобно тому, как это было сделано в отношении трех бывших сенатских легионов. Кажущееся странным отсутствие подобного монетного выпуска в честь IV и Марсова легионов легко объяснить нежеланием Октавиана ставить под угрозу намечавшееся соглашение с Антонием, которому эти легионы изменили.

В период пребывания Октавиана в Риме через куриатные комиции был проведен закон, подтверждавший усыновление

⁹⁰ Alföldi. Op. cit., S. 166.

⁹¹ Ростовцев. Август, стб. 154.

⁹² RgdA, 2; App. В. с. III, 95; Dio Cass. XLVI, 48, 1 sq.; Plut. Brut. 27.

⁹³ Babelon E. Description historique et chronologique des monnaies de la république Romaine, t. 2. P.—L., 1886, p. 36, № 64; Sydenham, №№ 1089, 1128 sqq.

⁹⁴ Babelon, t. 1 (P.—L., 1885), p. 340, №№ 1—3, t. 2, p. 261, № 5.

⁹⁵ Alföldi A. Der Einmarsch Octavians in Rom, August 43 v. Chr. — «Hermes», Bd. 86, 1958, H. 4, S. 495.

⁹⁶ Sydenham, № 1129. Бабелон датировал эти монеты 38—36 гг. до н. э. (Babelon, t. 2, p. 432 sqq.; №№ 10, 11, 13).

его Юлием Цезарем (App. В. с. III, 94; Dio Cass. XLVI, 47, 4). Античные авторы сообщают, что *lex curiata* потребовался для правого оформления усыновления. Долгое время эта точка зрения принималась как нечто несомненное⁹⁷. Но А. Альфельди выдвинул и обосновал новую трактовку: *lex curiata* должен был подтвердить божественное происхождение Цезаря-младшего⁹⁸. На монетах этого короткого периода Цезарь именуется *Divus Iulius* и Октавиан — *Divi filius*⁹⁹ и это весьма необычно. Дело в том, что официально Цезарь был признан богом по закону Руфрена в 42 г. до н. э. (CIL, VI, 872; IX, 5136), а завершился процесс обоготворения лишь около 39 г. до н. э.¹⁰⁰. В чем же причина выпуска этой «несвоевременной» серии монет?

Выпуская монету со своим изображением, Октавиан стремился как можно скорее воспользоваться предоставленным ему *ius imaginis*, которого у его соперников не было¹⁰¹. Эта чеканка подчеркивала высокое происхождение (*Cottessohnschaft*) Октавиана, ставила его выше Антония и Лепида на предстоящих переговорах¹⁰². Этот монетный выпуск был, конечно, политическим актом, а не экономической необходимостью. Об этом свидетельствуют сам тип монеты, металл, из которого она чеканилась (золото), поспешность и кратковременность выпуска, его малый объем¹⁰³. После примирения цезарянианских полководцев такая пропаганда на время утратила актуальность, поэтому монеты конца 43 г. были уже иного типа¹⁰⁴.

⁹⁷ См. например: *Grueber H. A. Coinages of the Triumvirs, Antony, Lepidus, and Octavian, Illustrative of the History of the Times.* — «Numismatic Chronicle», vol. XI, Ser. IV, 1911, p. 113 sq.; *Rice Holmes. The Architect of the Roman Empire*, v. I, p. 68.

⁹⁸ *Alföldi. Porträtkunst...*, S. 168; *it. Einmarsch...*, S. 495.

⁹⁹ *Sydenham, NN 1128—1130, 1132; Bahrfeldt M. Die römische Goldmünzprägung während der Republik und unter Augustus. Halle/Saale, 1923, S. 103, f., № 100—102.* Прежде и эти моменты относили к 38—36 гг. до н. э., но отсутствие на них титула триумвира у Октавиана делает такую датировку невозможной.

¹⁰⁰ *Gesche. Vergottung...*, S. 89 ff.

¹⁰¹ *Giard J.-B. Les monnaies du premier consulat d' Octave.* — «Revue Numismatique», VIe ser., t. XIII, 1971, p. 92.

¹⁰² *Alföldi. Porträtkunst...*, S. 168 f.

¹⁰³ *Giard. Op. cit.*, p. 101. Монета с изображением Октавиана чеканилась в Этрурии (*Giard*, p. 93). Это является дополнительным свидетельством прочности его политической позиции в этой области Италии.

¹⁰⁴ *Alföldi. Op. cit.*, S. 169.

Интересно, что Октавиан, став консулом, все же не решался выступить с открытым забралом, и это объяснялось своеобразием положения, в котором он оказался¹⁰⁵. Заявляя, что консулат получен им от народа (доля истины в этом была), помещая на некоторых монетах знак SC или EX SC¹⁰⁶, он стремился замаскировать насильственный характер своих мероприятий. Сенат «назначил» Октавиана главнокомандующим в войне против Антония и Лепида, предоставил ему войска Децима Брута (осужденного по закону Педия об убийцах Цезаря) и разрешил новые наборы (Dio Cass. XLVI, 47, 2—3, 51, 5). Закон об отмене опалы Антония и Лепида был проведен Педием в отсутствие Октавиана и якобы без его желанья, а лишь под давлением армии (App. В. с. III, 94; Dio Cass. XLVI, 52, 4). Так Октавиан ловким маневром скрыл собственное отношение к реабилитированию своих будущих союзников и возложил ответственность за это на легионы¹⁰⁷. После этого Октавиан, двигаясь с войсками на север, дружественным письмом зондирует настроенные Антония и Лепида (App. В. с. III, 96). Благоприятный ответ сделал возможной личную встречу лидеров цезарианцев, на которой было достигнуто соглашение об учреждении триумvirата.

Довольно распространенным является мнение, что это соглашение было исключительно делом рук армии, которая заставила примириться своих враждовавших руководителей¹⁰⁸. Требования армии и опасность со стороны Брута и Кассия, с которыми никто из цезарианских полководцев не мог справиться в одиночку, конечно, сыграли главную роль в образовании единого фронта цезарианцев. Но у Октавиана к этому присоединилась и дополнительная причина. Его армия в тот момент насчитывала 17 легионов (App. В. с. IV, 3), причем наиболее боеспособными были как раз те, что не хотели воевать против своих же товарищей. Большая часть новобранцев вообще не имела военного опыта. А легионы Антония и Лепида имели за плечами как минимум граждан-

¹⁰⁵ *Gardthausen*. Op. cit., S. 127; *Gelzer M. Cicero*. Wiesbaden, 1969, S. 405.

¹⁰⁶ Sydenham, №№ 1129, 1132; Bahrfieldt, 104, № 101. Так обозначались чрезвычайные монетные выпуски, предпринятые с разрешения сената (*Казаманова Л. Н.* Введение в античную нумизматику. М., 1969, с. 83).

¹⁰⁷ *Botermann*. Op. cit., S. 162, Ann. 1; *Aigner*. Op. cit., S. 91.

¹⁰⁸ *Vunper*. Указ. соч., с. 319; *Туркина Л. Г.* О роли армии в политической борьбе второго триумvirата. — В кн.: Некоторые вопросы всеобщей истории, вып. 1. Челябинск, 1965, с. 21; *Schmitthenner*. Op. cit., S. 4.

скую войну 49—45 гг. до н. э. К тому же к Антонию перешли четыре опытных легиона Децима Брута (App. В. с. III, 97). Даже если Антоний и Лепид вели из Галлии не 26 (App. В. с. IV, 3), а 17 (Plut. Ant. 18) легионов, их военное превосходство над Октавианом было бесспорным, тем более, что Антоний, «лучший генерал того времени»¹⁰⁹, как полководец превосходил тогда Октавиана и любого из его помощников. Поэтому заключение триумvirата было выигрышем прежде всего для Октавиана. Ему предстояло пройти долгий и трудный путь, но, раз добившись власти, он уже не выпустил ее из рук.

Э. Д. ФРОЛОВ

НЕМЕЦКАЯ БУРЖУАЗНАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ АНТИЧНОСТИ НОВЕЙШЕГО ВРЕМЕНИ (1917—1975)

Настоящий обзор возник в связи с подготовкой группой университетских кафедр, во главе с кафедрой истории древнего мира Московского университета, нового учебного пособия по историографии античности. Составленный нами очерк вышел за рамки обычной главы в учебнике и, как нам кажется, мог бы представлять самостоятельный интерес для тех, кто следит за развитием науки об античности в новейшее время. Германия по праву считалась колыбелью европейской науки об античности; проследить судьбы классического немецкого антиковедения в век кризиса буржуазного общества и буржуазной науки было бы полезно со всех точек зрения — и для уяснения тенденций развития буржуазного антиковедения вообще, и для правильного суждения о вкладе, который немецкая буржуазная историография внесла в разработку древней истории.

Историографическая актуальность такой работы также очевидна. В советской литературе есть ряд ценных критических обзоров по отдельным периодам и проблемам немецкого буржуазного антиковедения XX в., имеется также большое количество рецензий на отдельные труды немецких ученых¹,

¹⁰⁹ *Syme. Op. cit.*, p. 175.

¹ Из проблемных обзоров важнейшими являются: Кагаров Е. Г. Фашизация буржуазной науки об античном обществе. — «Сообщения